

Глеб Иванович Успенский

Норовил по совести

Глеб Успенский

Норовил по совести

«Public Domain»

1878

Успенский Г. И.

Норовил по совести / Г. И. Успенский — «Public Domain», 1878

«...Какое-то странное, не то слезливое, не то злостное бормотанье прервало мое тихое наслаждение. Мимо меня шел мужик в одной белой рубахе, ободранных холстинных штанишках и босиком. Лысая голова его была обнажена. Шел он как-то странно, не то очень торопился куда-то, не то, вдруг вспоминая что-то, останавливался и что-то бормотал... Скоро, однако, я разобрал, что причина такой странной походки была очень проста: мужик был пьян, и кроме того, когда он пробежал мимо меня, я увидел, что он еще к тому же и слаб и худ и что не он управляет ногами, а они несут его куда им угодно. ...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Глеб Иванович Успенский

Норовил по совести

I

Был тихий свежий летний вечер. Я вышел из дому, который нанимал на лето в деревне, на улицу и сел на крыльцо, прямо на ступени. Легкая, влажная свежесть приятно наполняла и освежала грудь. На небе и на земле было чисто, широко, просторно и вообще «хорошо», покойно. Хотелось «просто» сидеть вот так, чуть-чуть не в забытьи, дышать, смотреть и *наслаждаться* тишиной и покоем минуты наступившего вечера.

Какое-то странное, не то слезливое, не то злостное бормотанье прервало мое тихое наслаждение. Мимо меня шел мужик в одной белой рубаше, ободранных холстинных штанишках и босиком. Лысая голова его была обнажена. Шел он как-то странно, не то очень торопился куда-то, не то, вдруг вспоминая что-то, останавливался и что-то бормотал... Скоро, однако, я разобрал, что причина такой странной походки была очень проста: мужик был пьян, и кроме того, когда он пробежал мимо меня, я увидел, что он еще к тому же и слаб и худ и что не он управляет ногами, а они несут его куда им угодно. Бормотанье его было не то пьяное мужицкое галденье с ревом (необходимым, впрочем, для больной груди, желающей побольше вобрать воздуха) и гарканьем без всякого другого содержания, кроме крепких слов, – нет, это было что-то до последней степени жалкое, детски-бессильное; таким голосом жалуются дети, когда крепко оскорбят их самолюбие. Нечто бессильно-визгливое, не имеющее возможности «как следует» разозлиться, слышалось в тоне его бормотанья. А что такое он бормотал, уверяю вас, не понял бы ни единый человек. Только слово «бог», повторявшееся довольно часто и всегда сопровождавшееся поднятием тощей, сухой руки к небу, только это слово одно и было доступно уху постороннего слушателя во всем, что выходило не то из сжатых губ, не то из беззубого рта пьяненького мужика.

– Ишь! ишь! как его швыряет-то, – появляясь с лопатой и граблями на плече, произнес наш дворник, приготовлявшийся собирать в садике близ дома скошенную утром траву.

– Э, как двинуло!

Бессильные ноги мужика в самом деле несли его куда им вздумается. Под горку он несясь мелкой рысцой, всем корпусом подаваясь вперед и каждую минуту ожидая падения именно головою вперед. Но «бог пьяных» хранил его, и он, вместо того чтобы слететь с мостика в грязную канаву, что ожидало его неминуемо, вдруг заколесил так же проворно и так же еле держась на подгибавшихся коленках в сторону, ударился боком о загородь из жердей и, перевернувшись к ней животом, стал (очевидно, также невольно) заносить ногу через низенькую загородку. Та сила, которая его несла куда ей было угодно, продолжала и тут, при перелезании, лихорадочно торопить его и в одно мгновение, прежде чем он перенес через плетень колено, перебросила его на другую сторону.

– Н-на! – произнес Петр (так звали нашего дворника): – шмякнуло!..

Старика шмякнуло навзничь, и он со своей белой рубашкой совсем скрылся в траве, только рука поднялась, и опять послышалось что-то вроде «бог» – и совсем исчезла маленькая, маленькая фигура старикашки.

– Не ушибся ли он?

– Где там ушибиться! Там трава... Обстрекаться – обстрекается... Прямо в крапиву угодил... – И медленными шагами Петр отправился к загородке, чтобы посмотреть, не ушибся ли человек в самом деле.

– Ну, лежи, лежи!.. лежи смирно! – покойно и основательно произносил Петр, глядя через плетень в крапиву.

– Бог... создатель! О-о-о-н отец наш! – слезливо дребезжало что-то из-за плетня, и опять что-то забелело.

– Лежи, лежи! ну ладно, отдышись, очнись... Чего? Потому что пьянствовать не надо!.. Да! – слышались нравоучения Петра: – потому что пьешь! Ну, я уж, брат, не разберу твоих разговоров... лежи!..

И Петр так же медленно пошел назад, а за плетнем опять не стало ничего видно кроме травы – так тщедушен был старичок.

– Ничаво!.. проспится... Очкнется! Брякнулся словно на перину, и встать не хочется... любо лежать-то, прохладно... ха, ха!..

– Это ваш, мочалкинский?

– Наш, как же.

Петр пошел в сад, отгороженный прямо от крыльца, и, оттуда продолжая разговор, медленно приступил к работе.

– А отчего? Потому что нет в человеке ума. Доведись до меня, я б это дело в две секунды кончил... Взял бы вот топор и пошабашил сразу. И в Сибири люди живут, по крайности уж до эфтого бы не допустил...

Петр был человек не старый, лет тридцати, холостой и энергический. Он знал хорошо грамоте, думал попасть в Петербург в артельщики и теперь жил в деревне собственно для старухи матери, у которой он был один сын. К осени он полагал, что мать должна помереть (уж к Кузьме-Демьяну без сомнения), и тогда он тотчас уйдет в Петербург. Деревню он любил более с художественной стороны: луга, речка, рыбная ловля, зори утренние и вечерние, грозы, леса с птицами и ягодами – вот что было в деревне хорошо. Но народ деревенский уж не нравился ему, потому что он отведал столичного житья, видал людей и приучился рассуждать. «Бес-толочь», «непорядки», «разини» – вот как характеризовал он большей частью деревенскую нравственность и ум и по своей суровости, даже иной раз какой-то жестокости полагал, что над всем этим «разгильдяйством деревенским» «мало страху», что тут нужна строгость, что без приказания ничего путного не выйдет. В таком суровом взгляде на деревню немалую роль играло в Петре и довольно сильное чувство родства с этой самой деревней – чувство, как я не раз мог убедиться, оскорбленное тем беспомощно-глупым положением, которое, по мнению Петра, эта деревня, эта его близкая родственница, переживала изо дня в день и которое ей предстоит переживать, повидимому, несчетное число лет.

– Об чем это ты говоришь? – спросил я его.

– Да вот все об этом же! – сказал Петр, сгоняя граблями в кучу с куртин высохшие и приятно шушукавшие клочки сена: – все вот об этом пьяненьком-то. Ну что это, нечто хорошо (остановившись и почему-то поплевав сначала на руки, а потом положив их на ручку грабель)? – произнес он вопросительно. – Живут двое с одною бабою! Ну аккуратно ли это? Ведь это так надо сказать: и у господ – и то в редкость, не токмо в крестьянстве... Срам! Пьянствуют трое целый божий день, вот уж который год не могут расцепиться!.. Доведись до меня, так уж я б не допустил такого безобразия... Прямо за топор: либо ее, либо его!

– Кого?

– Либо бабу, либо любовника. Как же иначе-то? На это закону нет... Хоть какой хошь закон утверди, а покуда живы, канитель будет тянуться, уж это верно. Там господь рассудит, так али нет? А что разводить этакую погань не приходится.

И опять, поплевав на руки, он быстро и далеко занес грабли и медленно потянул их к наравставшей куче.

– А ежели бы разойтись? Ведь тогда и без топора можно?

– Это как же так?

– А так просто – либо мужу с ней разойтись и оставить ее с...

– С любовником?.. Это я-то, муж (хоть бы я, например), так я и буду любоваться на них?.. Ну уж этого нет! Есть такие любители, чтобы ихних жен, ихний товар одобряли, ну моего на это согласия нет! Жена живи с мужем. Как любовник – так топор, и больше ничего, и весь разговор... А то как же? Разойдись! Как же муж-то? я-то?.. Да и как же это возможно, ведь, чай, мое доброе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.